

С любовью и благодарностью посвящается моей маме

Часть I

Глава 1

Кто куда, а я за кашей

— Вы что, в лесу?! Можно потише?

— Извините, апай¹.

Роза захлопнула окно. Апай. Дожила. Теперь в свои ягодные сорок пять она апай, которая гоняет полуночников. Раньше соседка Олимпиада Винуновна зычным голосом наводила порядок — у той и тушканчик мимо не проскочит, — но нынче старушка уже не та.

С наступлением весны бесследно пропадала тишина. Молодёжь со всего города съезжалась на променады по прогулочной улице Жибек Жолы, которую в миру называли алма-тинским Арбатом, потом перетекала во дворы. Облепляла лавочки, скрипела качелями, гоготала и материлась, иногда дралась.

Утро началось рано. Кот по кличке Йося плевать хотел на ночные бдения, потому устроил тыгыдык, пройдясь ураганом по комнате. Представление продолжилось у пустой миски, где он заунывным тенорком намекал, что не ел уже практически неделю.

— Ой, не надо делать голодающее лицо, — приговаривала Роза, насыпая корм.

Кот захрустел, задвигал левой частью морды, так как справа отсутствовал клык. Ох, не вовремя тогда у него разболелся зуб, в самый разгар жесточайшего карантина! Поначалу Йося водил лапами у пасти, словно пытаясь что-то вытащить, потом и вовсе стал раздирать челюсть когтями. Роза схватила его и помчалась в ветеринарную клинику. Пустые улицы, на дорогах полицейские кордоны, передвижение по городу только со специальным разрешением. Но женщину с безумными глазами и кота с окровавленной мордой

¹ Уважительное обращение к старшей по возрасту женщине. — Здесь и далее перевод с казахского, если не указано иное.

никто не остановил. Хотя Роза была полна решимости прорываться к айболитам с боем.

Погладила в приступе нежности шерстяной бок; кот нервно дёрнул спиной, что означало: «Поесть дала — отвали, женщина».

— Вот же гад, — усмехнулась Роза.

За окном разливалась зелёной нежностью весна. Птахи, спрятавшиеся в листве, выводили звонкие рулады, которых днём и не услышишь из-за городского шума. Картинка неувовимо светлела, делалась чётче, постепенно наполняясь красками и звуками нового дня. С работой, которая так и осталась удалённой с начала пандемии, Роза редко выглядывала наружу. Сегодня точно выйдет. За кашей.

Накануне в разговоре с одноклассницей, уехавшей после окончания школы в Россию, вспомнили перловку в консервной банке. Сразу пахнуло дымом костра, жжёной верблюжьей колючкой, знойным духом уже выгоревшей от июльского солнца степи. В детстве, когда ходили в походы, та каша была наиболее желанной частью маршрута. На привале банку криво вспарывали ножом и опрокидывали содержимое в котелок. Ждали, пока разогреется, прислушиваясь к журчанию ручья и собственных животов, а после оголтело скребли ложками, потому что самое вкусное намертво прилипало к стенкам.

Субботним утром на Арбате было пусто. Умильно-ласковое солнце ещё не проснулось окончательно. Роза прошлась туда-сюда, наматывая шаги, затем присела на скамейку с удлинённой спинкой. На такой приятно расположиться полулёжа, что уже и сделал усатый дедок в клетчатой рубашке и жилетке, зашторив очи полудрёмой и вытянув ноги в штанах цвета хаки.

Если вокруг глазеть прискучит, можно запрокинуть голову и понаблюдать, как просыпающееся солнце подсвечивает золотом зелёный шатёр, который раскинуло над скамейкой толстенное дерево. С гудением мимо пронёсся на электросамокате курьер с огромным голубым коробом

за спиной. Роза проводила его завистливым взглядом. Она давно мечтала прокатиться на новомодном агрегате, но стеснялась, поэтому лишь вздохнула и продолжила смотреть по сторонам, размышляя, какой же славный у них город. Даже мысль о молодёжи, которая ночью бессовестно куро-леса, а сейчас где-то отсыпалась, не портила настроения.

Внезапно неуволимо что-то переменялось, будто на уже бодрое солнце накинули платок. Листочки поблёкли, утратили свою игривость, стали серыми. Мир вокруг разом поскучнел, небо затянуло завесой из плотных, невесть откуда набежавших туч, а на фигурной плитке Арбата тут и там стали появляться влажные кляксы. Дождь, как прилежная горничная, надумал с утра омыть сонные окна и смахнуть пыль с алматинских улиц. «Дышится-то так здорово! Пере-сiju. Видимо, он ненадолго», — решила Роза, подбирая под себя ноги в мокасинах.

Дремавший дед проснулся, закрутил головой и тоже подтянул ноги. Тут же под спасительный навес из листьев нырнула девушка. Длинные чёрные волосы подколоты в небрежный пучок, пара прядей выбилась из общего хаоса на голове. На тёмно-синей толстовке — витиеватая надпись, не разобрать. Широкие штаны оверсайз, видимо, чтобы скрыть лиш-ний вес. Роза и сама частенько пользовалась таким трюком.

— Как в сказке, где звери под грибом от дождя прятались, — подал голос старик.

Женщины посмотрели на него в недоумении. Девушка в силу возраста — на вид ей было не больше тридцати — вряд ли сказку знала. Роза что-то такое смутно припомнила, поэтому из вежливости ограничилась нейтральным: «Да-а». Дед между тем вытянул руку и подставил кончики пальцев под идущий стеной дождь.

— Тёплый, — констатировал он с удовольствием. На это ему уже никто не ответил.

И без того немногочисленный Арбат опустел. Мимо, хоча, пробежала парочка с огромным ротвейлером. Долго-вязый парень держал ладони домиком над головой девчонки,

а чёрный пёс шлёпал тяжёлыми лапами и тормозил хозяев, чтобы отряхнуться. Кто-то жался под козырьками магазинов, кто-то улепётывал от дождя со всех ног, прикрывшись рюкзаком. А трое пережидали под деревом.

— Смотрите, — старик указал рукой на странную фигуру, которая неслась зигзагами, делая гигантские прыжки через арбатские клумбы.

Троица наблюдала за передвижением неопознанного объекта в ярком головном уборе, пока тот не добежал до них и не втиснулся на скамейку между женщинами.

— А вы уже пробовали наш донер? Самый вкусный в городе! — парень в ядовито-жёлтой кепке принялся трясти аляпистыми буклетами.

— Я вегетарианка, — любительница оверсайза отодвинулась от мокрого соседа.

Кепка-вырвиглаз живо развернулась к Розе.

— А вы кушаете мясо? Или я попал на сходку веганов под деревом?

И, прежде чем та успела ответить, сунул ей жухлую от дождя листовку. Вопросительно глянул на деда — тот без слов протянул руку. Парень поднял вверх палец, передал и ему счастливый пропуск к самому вкусному донеру в городе. Снова обернулся к девушке:

— Я слышал, что красавицам обязательно нужно есть мясо. Типа в нём много витаминов, аминокислот, минералов, полезных для женского органи...

Черноволосая хмыкнула и перебила:

— Твой донер — прямо кладёзь пользы, как я погляжу.

— Конечно! — с жаром отозвался парнишка. — А что такое кладёзь?

Роза не удержалась и прыснула. Взглянула на деда — тот тоже улыбался.

— Шучу. Знаю я, что такое кладёзь. — Шустряк был доволен, что скамейка оживилась.

— А чего ты вот так бежал? — Роза поводила в воздухе рукой, изображая зигзаг.

— Надеюсь, что так на меня меньше капель попадёт, — пожал плечами парнишка.

Рядом со скамейкой поравнялся бегун, надёжно укрытый от дождя чёрной ветровкой с капюшоном. Замедлил движение, не переставая переминыться на месте. Видимо, тоже хотел спрятаться от внезапных осадков, но коробочка была уже полна.

Не поворачивая головы, он что-то произнёс. Ливень, с азартом лупивший по листьям, украл его слова.

— Что вы сказали? — переспросил парень, протягивая листовку. — Пробовали наш донер?

— Двадцать второе октября, — уже громче повторил мужчина.

Парень озадаченно покрутил головой, глядя на соседей по укрытию. Роза пожалала плечами, дед безмолвствовал, вегетарианка теребила влажную прядь волос.

— Вы кому говорите? И что это — двадцать второе октября? — поинтересовался шустряк в кепке.

Незнакомец повернулся и отчеканил каждое слово:

— Дата вашей смерти.

Блеснул из-под капюшона улыбкой и побежал дальше, за секунды растворившись в шумливом дожде.

Глядя ему вслед, скамейка притихла, но ненадолго.

— Вот сволочь. — Роза выдернула из сумочки пачку влажных салфеток, принялась остервенело протирать руки. — Такой день испоганил.

— Вы его знаете? — спросил парнишка.

— Нет. Больной какой-то.

— Сейчас весна, обострение у психов, — подала голос девушка.

Дед сидел истуканом и никак не реагировал на происходящее. Парень покосился на него и спросил:

— А это не ваш знакомый с плоскими шутками?

Тот покачал головой. Роза швырнула истерзанную салфетку в урну, распаляясь всё больше и больше:

— Как можно бросать такие слова незнакомым людям?

— Я пойду, — пролепетала девушка и натянула капюшон толстовки. Уже выскользнув из-под укрытия, обернулась и добавила: — Всего вам... хорошего.

— Ты что, испугалась? Триллеров насмотрелась? — крикнул вслед неугомонный представитель лучшего в городе донера. — Да уж... Мясо не ест, поэтому такая впечатлительная. Нервы ни к чёрту.

Придвинулся поближе к Розе и зашептал:

— Если это и правда, то это деду сказали. Он среди нас самый взрослый. Придёте донер кушать?

— Приду, — пообещала Роза, которая страстно захотела домой.

Тот же Арбат, то же нутряное тепло деревянной скамейки, те же весёлые клумбы, умытые дождём, но апрельское утро скисло и скукожилось. Она решительно поднялась со скамейки.

— Промокнете же! Куда вы? — удивился парень.

— За кашей, — бросила Роза и зашагала в сторону магазина.

Глава 2

Петрушковый смузи

Лифт, который ещё час назад функционировал, теперь не работал. Оксана постояла около него, насылая гром и молнии на домоуправление. Ругать своих гораздо приятнее, чем всю дорогу до подъезда вспоминать зловещее предсказание.

«Что это было?»

Она домчалась до дома стремглав, хотя про себя думала: «Докатилась коlobком». Мужик в чёрном напугал её до жути. Это действительно напоминало какой-то триллер, как крикнул вслед тот мальчишка в кепке. Или фильм

ужасов. Оксана пнула в сердцах ни в чём не повинную дверь лифта и потопала наверх.

Сначала бодро, затем мало-помалу снижая темп. На третьем этаже остановилась, чтобы унять сбившееся дыхание.

«Толстуха, блин».

Она согнулась, упираясь руками в колени. Постояла, отдышалась. Доползла до своего седьмого этажа, радуясь, что никого не встретила. Однажды за ней поднимался сосед, из-за него она чуть дуба не дала, делая вид, что шагает легко и непринуждённо. С тех пор, если кто-то встречался у входа и устремлялся по лестнице, костеря злополучный лифт, Оксана изображала суету у почтового ящика. Лишь бы человек ушёл и не пришлось тащиться наверх вместе с ним.

В квартире пахло чем-то жареным. В ванной шумела вода, краны явно выкручены до упора. Сашка пел. Он любил по утрам долго намываться и горланить что-то. Даже соседи при встрече улыбались: «Слышим, слышим, как ваш распевает». И сегодня не исключение: вода лилась, этот надрывался.

Оксана закатила глаза и шмякнула кулаком в дверь:

— Воду сделай потише.

— Чего? — сквозь шум спросил Сашка.

— Ничего, блин! — Оксана рывкнула на дверное полотно и снова долбанула кулаком. — Воду выключи!

Как можно так безалаберно поступать? Попытки донести до мужа важность экономии воды разбивались об его шуточки. «Я же Водолей, не могу иначе», — вот и весь ответ.

На кухне она вымыла руки, распахнула окна. Что за вонь?!

— Как прогулялась? — на пороге возник Сашка с полотенцем на бёдрах. Влажные рыжие волосы зачёсаны назад, на конопатых плечах блестели капли воды. Оксана отвела глаза.

— Нормально. Чем так мерзко пахнет?

— Яичницу с сосисками жарил, пока тебя не было. Вроде проветривал.

Она молча взяла из холодильника зелёный смузи, который не допила перед выходом.

— Как ты пьёшь эту гадость? С яблоком и морковью ещё ничего, но вот с петрушкой на вкус как болотная жижа.

— Не трогай ты мой смузи.

«И меня тоже», — добавила мысленно, потому что вслух лень. Сашка уже вроде как привык, что многие его вопросы оставались без ответа. Если бы ещё не сотрясал ими воздух, стало бы совсем прекрасно.

Муж раздражал. Где тот день и тот час, когда человек начинает действовать на нервы одним своим присутствием? Что происходит в воздухе, какие волны исчезают или, наоборот, появляются? Можно ли заметить и отловить это изменение, которое становится всё шире, больше, объёмнее?

До свадьбы они жили вместе, из постели почти не вылезали. Шлёпали голышом в кухню за перекусом, сидели в тесной ванне, засыпали и просыпались, переплетаясь руками и ногами. Оксана не думала о браке, но Сашка настаивал. Где же тот день и тот час... Может быть, когда она выла в подушку, а он гладил по руке и пытался утешить какой-то банальщиной вроде: «Будут дети, когда-нибудь обязательно будут». Может быть, когда доктора в очередной раз разводили руками: необратимых патологий у пациентки не выявлено, надо просто надеяться и верить. Может быть, когда она принялась заедать свои неудачные попытки стать матерью. Кто сказал, что все толстяки добрые? С лишними килограммами росла и злость, в первую очередь на безмятежного мужа, которому лишь бы вернуть сосисок, пока её нет.

— Под дождь не попала?

Сгущёнка, мёд, варенье в одной чашке. От Сашкиного участия во рту становилось вязко, как от ложки вот такого сладкого месива.

— Под деревом отсиделась, — ответила она, с трудом проталкивая в себя действительно отвратительный смузи. Почему полезное всегда такое невкусное? Вегетарианкой

она сделалась недавно, потому что до этого сидела на кремлёвской диете и наелась мяса до дурноты.

— Моя куколка спряталась от дождя под листочком, — прокомментировал Сашка из коридора.

Оксана закатила глаза. Когда-то хохотала над каждой шуткой, но сейчас слова мужа звучали как издёвка над её лишними килограммами. Она повертела в руках стакан со смузи. Подошла к Сашке, встала на цыпочки и перевернула содержимое на рыжую голову. Тёмно-зелёная жижа потекла по волосам, щекам, бородке, делая его похожим на водяного.

— Ты чего? — заморгал Сашка, размазывая по лицу смузи.

— Волосы гуще будут.

Ничего не подозревающий Сашка курлыкал в коридоре незаконченную в ванной песню. Оксана усмехнулась своим фантазиям, поставила в раковину стакан с остатками петрушкового эликсира здоровья. Подошла к окну и с замиранием глянула вниз. В животе тут же заворочался страх. Цепляясь когтями за внутренние органы, поднялся к горлу, обжёг жёлчной горечью. Эдак и до рвоты недалеко, так сильно она себя не истязала, потому отступила на шаг и продолжила смотреть, вытягивая шею.

Арбат заполнялся людьми. До поздней ночи по нему будут бродить прохожие. Когда она гуляла по вечерам, то наблюдала, как ходят парочки и приглядываются друг к другу. За счёт того, что сюда стекался молодежь со всего города, выбор был велик. И шанс познакомиться — тоже. Сейчас для них самое важное — найти пару. Только что делать этим двоим, когда эйфория спадёт, ни в каких университетах не научат.

Двадцать второе октября. Всё-таки что за ерунду ляпнул тот мужик? «Дата вашей смерти». Столько психов развелось, опасно высовывать нос. А она всего-то решила совершить утренний моцион. Лучше сидеть дома и продолжать толстеть, чем выходить на улицу и встречать таких уродов. А если бы он что-то в них кинул? Бутылку с кислотой,

например. Снова к горлу подступила тошнота. У открытого настежь окна стало зябко.

— Не стой так. Продует, — объявил Сашка с порога, подошёл и накинул плед ей на плечи. Однажды он подкрался, когда она вот так стояла у окна, и напугал до чёртиков. С тех пор старался озвучивать своё присутствие и не подходить неслышно.

Сейчас он закутал, задержал на секунду руки на талии, ожидая малейшего отклика от жены, того самого зова, который позволил бы развернуть её, запустить пальцы в волосы, поцеловать и... Оксана понимала это и не шелохнулась. Так и стояла не оборачиваясь. Затем слегка повела плечами, высвободилась из его рук и сказала:

— На работу опоздаешь.

«Если я умру, как быстро он найдёт новую жену?»

Она вышла в коридор и стала наблюдать, как муж собирается на работу: вылил на себя полфлакона одеколона и уже шагнул за порог, готовый нестись через три ступеньки, оставляя позади парфюмный шлейф. Так бывало частенько: она входила в подъезд и сразу понимала — только что тут промчался её благоверный.

— Если я умру, как быстро ты найдёшь другую?

Сашка обернулся и уставился на неё с испугом.

— Да это я так, — Оксана тут же пошла на попятную, понимая, что сейчас последует лавина вопросов. Ещё и на работу не пойдёт.

— Хорошо себя чувствуешь?

— Всё нормально.

Он хотел что-то добавить, но Оксана махнула рукой: «Иди уже». Дома без него становилось просторнее, что ли, только долго стоял удушливый запах парфюма.

Что бы ни делала потом всю субботу — тушила овощное рагу, снимала сухое бельё, смотрела телевизор, щёлкая туда-сюда каналы, — она всё время думала о том, что в целом мире никто не загрустит, если двадцать второе октября станет последним днём именно для неё.

Глава 3

Где-то в предгорьях с тремя фуриями

Когда женщины ушли, Руслан попытался обсудить произошедшее со стариком, но отклика не нашёл. Дед улыбался, кивал, но дискутировать с ним — как играть в одни ворота. Видимо, и его ударили под дых слова странного типа в ветровке. Пришлось нахлобучить кепку и распрощаться — до-нер сам себя не продаст.

Родственников в Алматы у Руслана не было, к знакомым семьи навязываться не хотелось, поэтому независимый и самостоятельный из Жамбылской области сам нашёл себе приют. Точнее, койко-место в квартире, где помимо него жили ещё три девчонки. Признаться кому-то в этом означало навлечь бесконечные насмешки, поэтому Руслан всем говорил, что живёт с тремя парнями.

В первую же ночь он попытался перекочевать с раскладушки на диван, где спала симпатичная соседка по комнате. Та подняла визг, из другой спальни примчались ещё две ведьмы. Втроём они усадили его на стул, не позволив натянуть штаны, и выдвинули список требований: либо он их соблюдает, либо катится ко всем чертям.

Даже сидя в одних трусах, он сумел силой своего обаяния сгладить конфликт. Клятвенно пообещал, что больше никаких поползновений, что соседки — это почти кровная родня и что инцесту точно не место в квартирке на окраине Алматы. Предъявил им свой список требований: никаких предметов белья в поле зрения, голыми не шастать, парней не водить. В итоге стороны скрепили договор рукопожатием и разбрелись по своим спальным местам.

За пару недель жизнь приобрела стройную форму комфортного сосуществования. Иногда кто-то бросал лифчик где попало, а кое-кто забрызгивал пеной для бритья круглое зеркало над раковиной, но то были мелочи, которые утрясались

мгновенно. Хозяйка лифчика ойкала и уносила его к себе, а Руслан без лишних напоминаний протирал зеркало.

Ванная комната как отдельное помещение в квартире отсутствовала, но сама ванна всё-таки имелась. Располагалась она на кухне рядом с раковиной и являла собой артхаусное зрелище. От остального пространства её прятала бордовая шторка в «имперском стиле», как говаривал Руслан. Несмотря на абсолютную непроницаемость завесы для пытливого мужского взгляда, входить на кухню строго запрещалось, пока кто-то из девчонок принимал душ. Набрать полную ванну и полежать в ней — такая роскошь не предусматривалась, маленький бойлер и так еле справлялся с нагревом воды. Никто не жаловался. Все были счастливы, что есть хоть какая-то возможность помыться.

Пять двухэтажных домов с деревянными лестницами и чердаками, наводнёнными кошками всех мастей и возрастов, утопающие в цветах палисадники, рядок гаражей с чудом сохранившейся, но уже нежилой голубятней — здесь определённо царил дух старой Алма-Аты. В одном из этих домов и повезло окопаться Руслану. Вдалеке угадывались очертания гор, с которых всегда тянуло свежестью, делавшей воздух в разы вкуснее, чем в городе. «Включить природный кондиционер» на языке обитателей квартиры означало распахнуть форточки и наслаждаться струящейся с гор прохладой.

В двухкомнатной мини-коммуналке с ванной на кухне и крохотным туалетом, в котором упираешься носом в дверь, сидя на толчке, взаимные претензии быстро сошли на нет. Каждый из невольных соседей приехал сюда из крохотных посёлков, как Руслан. И в силу молодости, тощего кошелька и непритязательности все быстро приспособились к предлагаемым обстоятельствам.

«Двадцать второе октября». Руслан раздавал оставшиеся листовки, забирал выручку за день, стоял на остановке, а в голове назойливым речитативом не очень умелого рэпера стучали эти слова. Лишь сев в автобус, он переключился

на своё любимое занятие — замечать красивые здания и загадывать, что непременно там побывает: «Театр имени Лермонтова — сюда приду в шикарном костюме. Может быть, с девушкой. Библиотека имени Пушкина — сюда нет, можно просто рядом сфотографироваться и отправить учительнице по русскому. Дворец спорта — о, сюда обязательно, на какой-нибудь бой ММА. Цирк — один раз сам, потом со своими детьми. Театр имени Ауэзова — сюда тоже...»

Алматы пришёлся ему по душе. Жизнь тут кипела. Возможностей много, только не разевай рот и успевай крутиться. Окончив в Таразе колледж по специальности «техник-механик», Руслан вернулся домой. Перспектива оставаться в родном посёлке не прельщала. Выбор стоял между Алматы и Астаной, но, как истинный теплолюбивый южанин, он не рискнул ехать в пасть столичной зимы с её минус сорок, поэтому рванул в город яблок. И тут ему чертовски нравилось.

Квартира встретила необычным и достаточно редким явлением — тишиной. Девчонки отсутствовали, какое счастье! Наскоро ополоснувшись в душе и даже не задёргивая при этом «имперскую» занавеску, он сел за разукрашенный стол. Одна из соседок училась живописи, поэтому с разрешения хозяйки поизмывалась над столешницей, которая теперь представляла собой разноцветный хаос. Руслан развернул лучший донер в городе, откусил и начал думать, вода глазами по акриловому безумию.

Двадцать второе октября. Вот же чепушила в капюшоне. Надо было догнать его и макнуть за козлиную бородку лицом в лужу. И женщин напугал. Фигня, конечно, полная, но мерзотно такими вещами шутить. В конце концов, остальные старше, им стоит бояться. А Руслан ещё слишком молод, ещё и девушки толком не было, какой там умирать. А если несчастный случай?!

Донер доедать расхотелось. Сунул его в холодильник — на завтрак залетит. Заметил кастрюльку — под прозрачной крышкой заманчиво краснел борщ. Девчонки не обидятся, если он съест тарелочку, но лень

разогреть — микроволновкой они ещё не разжились. Он прошёл в свою комнату и растянулся на раскладушке. Полистал фотографии за сегодня. Вот эту, у фонтана, можно отправить маме. Или эту — щёлкнул у роскошного авто, пока водитель отлучился. Но ничего он не отправит. Зачем ей сын, когда у неё ухажёр чуть старше Руслана.

Глава 4

Земского врача не убьёшь!

По-пензионерски никуда не торопясь, он долго ещё сидел на скамейке после того, как ушли случайные собеседницы. Парнишка в жёлтой кепке тоже не задержался, умчался по своим делам. Шустрый. Наверняка и его, Бахтияра Каримовича, внучка — такая же деловая колбаса.

Внезапный, как женские слёзы, дождь давно закончился. И случился он кстати — собрал под деревом хороших людей. К своим шестидесяти девяти годам Бахтияр Каримович научился наконец оценивать вещи правильно. Это по молодости он всё больше кипел и бурлил, точь-в-точь как забытый на плите чайник. И дождь посчитал бы досадным, и на соседей по скамейке не обратил бы внимания, и точно не остался бы сидеть, а уже побежал бы куда-то.

Свою жену Бахтияр встретил на Мангышлаке, куда попал по распределению после медицинского института. Таисья, Таечка, Тайчонок. Она кашеварила в рабочей столовой, за плечами — техникум советской торговли. Бахтияр всегда сокрушался, как же они не встретились в Алма-Ате? И содрогался от мысли, что кто-то мог завлечь наивную девчонку и не дать доехать до богом забытого посёлка на полуострове.

Её бойкая подружка первая заприметила его, когда он вошёл в столовую хлебнуть чаю с дороги. Завертела перед

ним хвостом, закружилась в белом халатике, туго натянутом на бёдрах. Хорошо, что следом гурьбой ввалились лётчики, которые бороздили местные просторы на кукурузниках, и оторва Аидка переключилась на них. А Бахтияр заметил Таисью.

Как она смеялась! Его сердце замирало, забывая биться, потом спохватывалось и выдавало яростную чечётку, чтобы снова замереть. А этот светлый завиток, который постоянно выбивался из-под накрахмаленного колпака! Она машинально заправляла его обратно, но он тут же выскакивал снова. Бахтияру хотелось самому коснуться и приструнить непоседливый завиток, но он, конечно же, не смел. Да и удар бы его наверняка хватил тут же. Ох и было бы потом надолго разговоров в посёлке — новый доктор рухнул в обморок от местной поварихи!

Заселившись в общежитие с Константином, одним из бравых лётчиков, принялись наводить порядок в убогой каморке. Лампочка, обёрнутая тетрадным листом вместо абажура, навевала тоску жёлтым светом. Из-за этого вся обстановка была такого же цвета, как зубы старого чабана, который в далёком детстве Бахтияра вечно ходил с папиросой.

Кое-как они всё-таки прибрались. За уборку назначили себе награду — чай со сгущёнкой и импортными вафлями. На большой земле шаром покати, а на полуострове — московское обеспечение. Как они обомлели, когда зашли в кособокий магазинчик, неприметную развалюху на окраине! Чего там только не было: сгущёнка нескольких видов, вафли и печенье в ярких упаковках, чешское пиво разных сортов и даже марокканские мандарины!

Они мирно распивали чай, когда грохот и звон разбитого стекла заставил их отскочить от окна. На вымытый с таким усердием пол упал кирпич. Снаружи слышался гул, не обещавший ничего хорошего. Прокравшись к окну, Бахтияр и Костя выглянули посмотреть, что же там происходит. По улице бурливым, плохо различимым в темноте потоком к общежитию стекались люди. Гул перерос в рёв

сотни глоток и окончательно добил тишину; парни кинулись в коридор. Из комнат выскакивали мужики и неслись со второго этажа вниз. Милицией и не пахло — на весь посёлок всего один участковый, который ни за какие коврижки не сунулся бы сюда. Отбиваться предстояло самим.

— Разбирай на палки! — кто-то отдал команду, и деревянная лестница между первым и вторым этажами в мгновение ока была разобрана.

— Бей приезжих! — горланил кто-то, пока они теснили нападавших от общежития.

Бахтияр Каримович усмехнулся, выныривая из пыльного мангышлакского посёлка прямо в центр Алматы, где в свежем от дождя воздухе трепетал детский смех.

«Бей приезжих!»

Сейчас и в морду никому не дашь просто так, всё с оглядкой на что-то. Бахтияр Каримович бесился, когда к любому конфликту пытались приплести национальность. Да, он казах и гордился этим. Если человек гнилой и морда его просит оплеухи, то без разницы, какой он национальности. Гниль — она везде гниль, под каким бы обличем ни пряталась. Тогда дрались, потому что бесшабашное ухарство выплёскивалось через край.

Он снова усмехнулся. Вспомнил комендантшу, громбабу с нежным именем Василиса Ильинична, которая при первом же знакомстве представилась просто Васей. На следующее утро она материлась так, что небо краснело. А мужики — кто с подбитым глазом, кто хромой, кто с рукой на перевязи — собирали обратно лестницу. Чтобы в следующий налёт снова её разобрать.

«Да чтоб вас! — орудийными залпами громыхала Вася. — Каждую неделю! Каждую неделю одно и то же! Участковый, пень такой-сякой, никакого толку от него. Напишу на большую землю, чтобы нормального милиционера прислали!»

Отнюдь не пугливый в кулачном бою, робел Бахтияр только перед Таисьей. Это не помешало ему обозначить намерения, первым делом осадив местных, которые кружили

вокруг столовой коршунами. Те не сдавались и однажды подловили его толпой. Кто-то и ножик уже расчехлил, желая напугать докторишку. Бахтияр понимал, что шансов маловато, но так просто сдаваться не собирався, примеривался, до кого точно дотянется, прежде чем его уронят на землю. Время шло, но ничего не происходило. Каждый надеялся, что кто-то ударит первым. Бахтияр сжимал кулаки, ожидая выкрика, который подстегнёт их броситься. Наконец, один не выдержал:

— Не могу я его бить — он братишке гипс накладывал.

Тут же откликнулся второй:

— А у моей жены роды принимал.

Третий хлопнул Бахтияра по плечу и добавил:

— Мать на ноги поставил. Никогда этого не забуду, брат.

Специалистов не хватало, поэтому поневоле Бахтияр стал в посёлке своего рода земским врачом. К нему шли с любыми болячками, приводили детей и стариков, и никому он не отказывал в помощи. Это и спасло. Один за другим те, что пару минут назад хотели его отметелить, пожимали руку и растворялись в темноте. Больше никто его не трогал и в сторону смешливой поварихи не смотрел. Знали, что это девушка доктора.

Месяцев пять дружили с Таисьей. Как-то зимой пошли в магазин покупать ему тулуп. Проходя мимо поссовета, Бахтияр предложил:

— Давай заявление подадим?

— Давай, — кивнула она.

Вот так просто всё и получилось. И никаких лимузинов и кредитов на свадьбу, как сейчас. Правда, глава поссовета, который в пустой избе играл с внуком, поартачился для вида:

— Приходите завтра, секретаря нет на месте.

Нет так нет, они развернулись и пошли на выход, взявшись за руки. Уже прилично отошли, как сзади окликнули:

— Эй, молодые! Погодите!

Старик махал с крыльца нарукавниками. Вернулись.

— Вот что. Это первый интернациональный брак в посёлке, внука отправил уже за секретарём.

Свидетелями позвали Аидку и Костика. А потом гуляли свадьбу, простую, но шумную, совершив набег на магазин-развалюху с его деликатесами.

Двадцать второе октября. Что это было? Он прикрыл глаза, вспоминая бегуна в капюшоне. Когда-то бабушка рассказывала ему сказки, что бродят среди людей злые дэвы, принимающие человеческое обличье. Ещё в её историях были уродливая старуха албасты и красавица с медными ногтями жезтырнак, но то были демоны с женскими лицами. Ох и боялся потом маленький Бахонти всего на свете, шархался и от мужчин, и от женщин. А бабушке того и надо, чтобы держался малец за длинную цветастую юбку и не отходил ни на шаг.

Дэв не дэв в капюшоне, но слова сказал страшные. Женщин переполошил. Мальчонка в кепке пусть и хорохорился, но тоже не по себе ему стало. А если... Сердце замерло, совсем как тогда, когда непослушный светлый завиток снова возникал над смеющимися глазами Таечки. Может, от неё знак, что ему пора? Ждёт встречи со своим непутёвым мужем, который вроде жил как все, а в итоге оказался никому не нужным стариком на скамейке.

Глава 5

Увидеть снег и умереть

Дома Роза тщательно вымыла руки и прилегла на диван, отметив, что пора его пропылесосить из-за кошачьей шерсти. Сложила на груди ладони, закрыла глаза. Шум улицы ввинчивался в уши и мешал сосредоточиться. В голове крутилась песня, которая вспомнилась ещё на той скамейке: «Когда меня не станет, я буду петь голосами моих детей...»

Надо было схватить оракула-паразита за шкуру и трясти, трясти, трясти. Вырвать из него хоть какое-то оправдание нелепицы, которая червём засела теперь внутри. И другие хороши, никто ничего не предпринял. Хотя какой толк от старика, мальчишки и длинноволосой пампушки. Тот мерзкий тип просто застал их врасплох. Да и кто бы не растерялся? Эх, всё-таки можно было всем миром на него навалиться.

Двадцать второе октября. Половина весны, лето, половина осени. Выходит, снега она уже не увидит? Есть два варианта. Псих, которого накрыло сезонное обострение. Тогда посыпать его мысленно лепестками роз и забыть. Прямо грузовик лепестков подогнать и опрокинуть на этого гада. А если не псих? Не открывая глаз, она усмехнулась. В таком случае лечиться надо ей, поэтому первый вариант казался гораздо лучше второго.

Внезапно Роза охнула и скрючилась — на живот приземлились четыре лапы. Окаянный Йося уже отпрыгнул на безопасное расстояние и рассматривал её с ленивым любопытством. Трюк назывался «День в разгаре, чего разлеглась?». Практиковался нечасто, но всегда действенно — пришлось встать.

— И ты туда же? Помереть спокойно точно не дашь.

Двадцать второе октября. Откинуть дату не получалось, она сверлила мозг почище соседской дрели. Роза открыла ноутбук, подключилась к корпоративной сети.

«Прошу уволить меня по собственному желанию». Заявление улетело на согласование руководству. Прощай, синекура! Двадцать лет назад мастодонт по имени Роза осел в мебельной компании и стал её неотъемлемой частью. За эти годы попытки что-либо изменить разбивались о собственные страхи. В понедельник, конечно, поднимется шум. Упирающегося мастодонта схватят за хобот и попытаются вернуть на место. Но если и суждено вымереть, то с музыкой, а не среди опостылевших цифр. До двадцать второго октября можно многое успеть — и большое, и малое. И даже

коснуться рукой хрусткого снега — из окна виднелись белые колпаки гор.

Вспомнилось, как шестилетний сынок уткнулся однажды в её колени с рыданиями: «Мама, ты скоро умрёшь! Ведь тебе уже целых тридцать лет!» Она вскидывала его невесомое тельце так, что он подлетал в воздухе, и кружила, успокаивала. Теперь вымахал дядька с волосатыми ногами, женился, уже и не покружишь.

Молодые жили отдельно, Роза в очередной раз порадовалась этому обстоятельству. Не хотелось, чтобы видели сейчас мать в таком раздрае.

Закурлыкал телефон. Сын, лёгок на помине.

— Как дела, мам?

— Да всё хорошо. С утра прогулялась. — Роза, как фокусник, тут же извлекла из памяти и другие обстоятельства сегодняшнего променада: — Кашу купила. Вы как?

— У нас тоже всё хорошо. Что за каша?

— Перловая, в консервной банке. Вкус детства.

Алибек хмыкнул. Это означало — чем бы мать ни тешилась, главное, жива и здорова.

— Ну расскажешь потом, удался ли экскурс в прошлое.

У неё вдруг перехватило горло. Какой, к чёрту, снег? Нашла о чём переживать — снега не увидит! А как же внуки? Внуки! Такие же смешные и невесомые, как сын в детстве. Получается, их она тоже не увидит, если двадцать второе октября — её дата...

Роза копалась в ящиках шкафа, искала блокнот. Был какой-то неиспользованный, точно был. Документы, школьные грамоты сына, её различные сертификаты, выписки, счета, ксерокопии. Человек по ходу жизни обрастает кучей бумажек. Надо обязывать каждого выращивать дерево. Родился? Вот тебе саженец на макулатуру, которой забьёшь в течение жизни не один ящик и не найдёшь потом среди этого хаоса такой нужный в данную минуту блокнот.

Когда-то, во времена развода с мужем, обычная тетрадь и обычная ручка помогли не сойти с ума. Она с детства что-то

писала: рассказы, заметки, стихи. Однажды даже набросала фантастическую повесть и отправила в журнал «Весёлые картинки». Оттуда прилетело письмо о том, какая замечательная история получилась, далее следовал список нестыковок в сюжете. Писателя, как и художника, обидеть может каждый, поэтому повесть с рыданиями была уничтожена. Впоследствии она жалела об этом неоднократно, по прошествии лет с удовольствием перечитала бы.

В истории с мужем сама судьба подсунула тетрадь и шепнула на ухо: «Пиши». Даже и не тетрадь это была поначалу, какой-то клочок, который подвернулся под руку. И она писала... Где-то строки расплывались от слёз, где-то от нажима рвалась бумага, где-то автоматной очередью выстреливали восклицательные знаки. Но час от часу становилось легче. И дышать, и писать, и просто жить.

Так и повелось с тех пор. Когда судьба подкидывала что-то страшное или непонятное, Роза лечила душу буквами. Ту, первую, тетрадь в итоге сожгла — боялась, что сын найдёт и прочитает. На момент развода он был слишком мал. Когда подрос и начал интересоваться, где же папа, Роза уже собрала и склеила свою разодранную в клочья сущность. Она смогла соорудить — пусть криво и косо — жизнеспособную версию о том, почему папа с ним не общался.

Каша оказалась отвратительной. Даже Йося вполне очевидно скривился, когда хозяйка попыталась сбавить ему это месиво. Роза залила кипятком осквернённую сковородку, взяла телефон и набрала сообщение сыну: «А на самокате сложно кататься?»

В ожидании ответа погладила найденный блокнот. Кто его подарил, когда — уже и не вспомнить. По обложке плыли невесомые птицы-облака. Настолько красив, что жалко было в нём писать, так и лежал несколько лет в прозрачной шелестящей обёртке. Роза открыла первую страницу и написала: «22 октября». Всё, что будет с ней происходить, она расскажет этому блокноту.

Глава 6

Заседание под деревом открыто!

Воскресное утро в Алматы, да ещё и поздним апрелем, прекрасно. Нет бегущих куда-то людей, все отсыпались после бурного субботнего вечера. Птицы упражнялись в трелях, скрытые нежно-зелёным покровом листвы. Солнце скользило по домам, окнам, вывескам, как заправский скейтбордист, наполняя город предвкушением иллюзорно бесконечного выходного дня.

На злополучной скамейке уже восседал Бахтияр Каримович. Казалось, он и не уходил отсюда, всё в той же позе, откинувшись на высокую спинку и прикрыв глаза. На самом деле, конечно же, уходил. Рано лёг и рано встал, мысли выгнали из дома. Вдруг мелькнёт среди прохожих вчерашний предсказатель. Вот тогда-то можно поговорить с ним по душам. Пусть не думает, что на пороге семидесятилетия кое-кто уже старая развалина. И не таких ломал когда-то. Бахтияр Каримович завертел головой вправо-влево, уповая на свою дальнорюкость. Как назло, в шее хрустнуло. «Тоже мне, Шварценеггер в засушенном виде!»

— Доброе утро! — поприветствовала его Оксана, которая боялась застать кого-то на скамейке, но очень обрадовалась, что та всё-таки не пустовала.

— И тебе доброе!

— Я сейчас сбегая в магазин и вернусь к вам, хорошо?

— Хорошо, — кивнул Бахтияр Каримович, уже догадываясь, что привело её сюда сегодняшним утром.

Роза шагала к скамейке по-боевому, но запнулась, увидев на ней вчерашнего деда. Хотела сделать вид, что идёт мимо, но тот уже приветственно замахал. Пришлось подойти и сесть рядом.

— Доброе утро! Как спалось? — дед был учтив, точно посол на светском приёме.

— Отвратительно, — буркнула Роза и тут же спохватилась, что ведёт себя невежливо по отношению к старшему. — Извините, но я бы не назвала утро добрым.

— Сейчас вчерашняя девочка подойдёт. В магазин побегала. — Старик улыбался, казалось, настроение у него благодушное и утро он считал самым что ни на есть замечательным.

Роза приподняла бровь.

— Значит, я не одна сбрендилa? Это радует.

— Вы не одна, нас уже трое. А парнишки не видать. Молодость, ей всё нипочём.

Оксана купила апельсинового сока и выскочила обратно на улицу. Чтобы выходить из дома, она придумывала себе по утрам вот такие нехитрые покупки. И зарядка, и польза — два в одном. Ей не терпелось поговорить со стариком, услышать от него, взрослого и мудрого, внятное объяснение. Пить тоже хотелось, поэтому она принялась тут же откручивать тугую крышку.

— Привет веганам! — завопил кто-то прямо в ухо.

Оксана подпрыгнула, чуть не выронив бутылку.

— Ой, прости! — Руслан с виноватым видом прижал руки к груди. — Не хотел пугать.

Она отвинтила наконец крышку, сделала пару глотков и спросила, чтобы замая свой нелепый испуг:

— У тебя что, разные кепки на разные дни? Вчера жёлтая, сегодня белая.

— Ага.

— Как трусы-неделька, да? Каждый день меняешь. По-недельник, вторник...

— Кстати! Сегодня я не работаю. Хочешь, погуляю с тобой? Проведёшь ликбез про эти трусы, — Руслан придвинулся ближе и задвигал бровями.

— Ещё чего. Муж увидит из окна — решит, что я детей совращаю.

— Во-первых, я не ребёнок, а мужчина в расцвете сил. Во-вторых, ты что, замужем? — Он изобразил на лице отвращение, словно узнал о ней что-то неприглядное.

— Ну да.
— Ой, взяла и испортила.
— Что именно?
— Наш возможный головокружительный роман.
— Штанишки подтяни, сынок.
— Зря ты так... Мне нравятся женщины постарше. И между прочим, никто из них не жаловался.

Перекидываясь фразами, они шли по Арбату, хотя даже не знали, как друг друга зовут.

— О, смотри! — Руслан мотнул головой в сторону скамейки. — Воскресное заседание под деревом открыто.

Оксана тоже заметила, что дедушка уже не один — рядом сидела вчерашняя женщина с обесцвеченным каре.

Когда они подошли и поздоровались, в воздухе повисла неловкость. Оксана села. Руслан принялся прохаживаться вдоль скамейки. Было заметно, что из него прёт энергия и ему очень не хватает ливня или ещё какой-то природной аномалии, чтобы мчаться зигзагами и перепрыгивать через клумбы.

Пауза тянулась, как длиннющий товарный состав, громяхая невысказанными вопросами. Каждый ждал, что молчание нарушит кто-то другой. В итоге не выдержал самый нетерпеливый.

— Что скажете насчёт вчерашнего? — Руслан оглядел сидевших.

— Да псих какой-то, ясен перец, — оживилась Роза. — Дожили, нормальным людям нельзя спокойно на улицу выйти!

— Может, вы и меня сочтёте ненормальной, но всё же скажу. — Оксана накручивала на палец чёрный локон. — Я вчера покоя себе не находила. Понимаете, о чём я?

Бахтияр Каримович кашлянул, прочищая горло.

— Милая девочка, не нагнетай дурные мысли. Вокруг сейчас и так столько негатива, не добавляй его себе сама.

— Да я бы и рада, но не могу об этом не думать.

— И я тоже, — призналась Роза.

Все как-то приуныли. Вот-вот должна была повиснуть очередная пауза, но Руслан решил — с него довольно.

— Вы что?! — рассмеялся он и развёл руками. — Вроде взрослые люди. Поверили словам какого-то упыря?!

Он снова зашагал взад-вперёд, потом остановился, вызывая к Бахтияру Каримовичу:

— Ну ладно женщины, они все впечатлительные и верят во всякую хрень вроде гороскопов и гаданий. Но вы же не думаете, что тот чел...

Оборвав себя на полуслове, он застыл с вытаращенными глазами. Его осенила какая-то ужасная догадка.

— Господи, что такое?! — испугалась Оксана.

Руслан огляделся по сторонам и заговорщически придвинулся к слушателям. Те невольно потянулись к нему, чтобы не пропустить откровение, настигшее самого молодого собрата по несчастью.

— А если... — прошептал Руслан. — Если это не человек?

— А кто? — заволновалась Роза, инстинктивно прижимая к себе сумку.

— Посланник ада, — в голосе глашатая появились замогильные нотки. — Демон во плоти. Ужас на крыльях ночи.

— Вот дурак! — хихикнула Оксана.

Руслан сдёрнул с головы кепку и расхохотался.

— Ну вы просто с такими серьёзными лицами сидите.

— А сегодня ты какие листовки раздаёшь? — подал голос Бахтияр Каримович.

— О, аташка¹, — Руслан погрозил ему пальцем. — Мастер внезапных вопросов. Колитесь, в каком звании на пенсию ушли?

— Врачом я работал...

— Вот я сразу понял, что или полицейский, или врач, или учитель. Молчит, молчит аташка, потом ка-а-ак

¹ Дедушка.

выдаст, — сказал Руслан. — Да я сегодня не работаю, поэтому без листовок.

— А чего тогда на Арбате тусуешься с утра пораньше? — поддела Оксана.

— Я свободный человек! Захотел погулять в центре, вот и приехал.

Все выжидательно смотрели на него.

— Ладно, ладно, скажу. — Он присел наконец, положил кепку на колени и пригладил на голове беспорядок. — Думал, похожу, посмотрю. Вы же видели вчера его кроссы? Если он спортсмен, то где-то недалеко живёт. Не будет же он с Каргалинки приезжать сюда на пробежку.

— Так, — Роза поднялась со скамейки, — срочно нужна чашка кофе, иначе мозги набекрень от всего этого. Предлагаю перенести обсуждение в какую-нибудь кофейню поблизости.

— Я за! — тут же поддержал Руслан.

— Шикуюшь! Заработал листовками на чашечку эспresso? — Оксана тоже встала.

— Ту-у-у, да я вас всех могу угостить!

Бахтияр Каримович наблюдал, как балагурили эти двое. Компания ему нравилась, повод, который их собрал, — нет. Возможно, за чашкой кофе действительно найдётся какое-то разумное объяснение. А если и не найдётся, ну и пусть. Зато сегодняшнее утро уже точно не похоже на все предыдущие.

— Пойдёмте, тут недалеко есть неплохое местечко. — Он бодро поднялся вслед за ними и зашагал в сторону улицы Панфилова. Овернул и добавил: — Там восхитительные эклеры!

Четвёрка вынырнула из-под раскидистой кроны и двинула к кофейне. По дороге не разговаривали, каждый думал о своём, но одна схожая мысль посетила всех: вчера они не подозревали о существовании друг друга, а сегодня уже вместе шли пить кофе.